

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2096-2106
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2096

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Prisoners of War of the First World War in the cities of Eastern Siberia (on the Materials of Kansk from Yenisei Province)

Olesya M. Dolidovich ^{a,*}, Ivan Y. Makarchuk ^a, Oleg G. Alekseev ^a, Mikhail A. Petrov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The authors investigated the activities of city authorities on the accommodation, maintenance and use of prisoners of war labor during the First World War (on the materials of the city of Kansk from Yenisei province). The process of interaction of the city government with the military and civil administration, local population in solving various problems of material and domestic support of prisoners, conditions and efficiency of their labor are analyzed. The arrival of prisoners of war put the authorities and the local population in a difficult situation due to the extremely backward state of the urban economy and infrastructure (lack of free housing, lack of water supply and sewerage, baths and laundries, etc.). Prisoner of war labor was used mainly in such areas as public works and road repair, but on a limited scale due to the shortage of city finances (prisoners had to be transported to the place of work, fed and provided with clothes and shoes in season, tools, guards, returned unsuitable for work, etc.). In general, labor was unproductive and did not contribute to the solution of any important economic or defense tasks due to the lack of large-scale industrial production in the city.

Keywords: prisoners of war, Eastern Siberia, city government, Yenisei province, Irkutsk military district, Kansk, First World War.

1. Введение

В годы Первой мировой войны на территории Российской империи в плену оказалось более 2,3 млн солдат и офицеров вражеских армий. Первоначально власти планировали размещать пленных на территории воинских частей, где освобождались казармы после отправки на фронт маршевых рот. Однако большая численность и отсутствие достаточного количества казарм заставили изменить эти планы и направить часть из них в города. Органы городского самоуправления столкнулись с необходимостью предоставить жилье для пленных и решать многие вопросы по их социально-бытовому обеспечению, а позднее, в связи с нарастающим дефицитом рабочих рук из-за непрерывного оттока мужского трудоспособного населения на фронт, принимать участие в привлечении военнопленных к трудовой занятости.

Включиться в решение проблем военного времени пришлось даже в таком отдаленном от линии фронта тыловом регионе, как Восточная Сибирь, где в военные части близ городов было направлено порядка 105 тыс. человек (Чудаков, 2012: 40). Всего к началу 1915 г. в двух сибирских военных округах (Омском и Иркутском) было размещено 186 тыс. чел. К лету численность пленных значительно возросла: в Омском военном округе – до 152 тыс. чел., Иркутском – 200 тыс. К январю 1917 г. в Омском военном округе находилось 199 тыс. военнопленных, в Иркутском – 135 тыс. (Греков, 1997).

Изучение деятельности органов городского самоуправления по размещению и организации труда военнопленных Первой мировой войны, во-первых, является основой для проведения

* Corresponding author

E-mail addresses: dolidovich@mail.ru (O.M. Dolidovich), imakarchuk@sfu-kras.ru (I.Y. Makarchuk), fukidid2007@yandex.ru (O.G. Alekseev), mipet@yandex.ru (M.A. Petrov)

широкого сопоставительного анализа положения военнопленных как в отдельных регионах Российской империи, так и в различных странах-участницах военных действий, а во-вторых, позволяет составить целостное представление о функционировании восточносибирских городов в этот период.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют делопроизводственные материалы и периодическая печать. Первые включают документы, сосредоточенные в Государственном архиве Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация). В фонде Канской городской управы (Ф. 921) хранится переписка с городским головой Т.Д. Леоновым (1913–1917 гг.), енисейскими губернаторами И.И. Крафтом (июль – сентябрь 1914 г.), И.В. Хозиковым (январь – август 1915 г.) и Я.Г. Гололобовым (октябрь 1915 г. – март 1917 г.), енисейским губернским комиссаром В.М. Крутовским (март – декабрь 1917 г.), начальником гарнизона Канска, командиром 16-го Сибирского стрелкового полка полковником Новиковым, а также Штабом Иркутского военного округа. В фонде Коменданта лагеря военнопленных Канского гарнизона (Ф. Р–1778) сосредоточена отчетность заведующего хозяйственной частью Берклера по вопросам финансово-хозяйственной деятельности (счета, квитанции, расписки, приходно-расходные тетради, рапорты, списки военнопленных, получавших денежное, табачное довольствие, мыло и др.).

Периодическая печать («Вестник Красноярского городского общественного управления», «Сибирская жизнь») освещала наиболее острые вопросы, стоявшие перед сибирскими городами в военный период: продовольственный и топливный кризисы, дефицит бюджетов, необходимость оказывать помощь семьям призванных и принимать беженцев и др. В числе прочего рассматривались различные аспекты размещения, бытового обеспечения пленных, привлечения их к общественным работам: приводились разъяснения вышестоящих властей на этот счет, давалось описание опыта других городов, обсуждались сферы применения и системы оплаты труда.

В процессе анализа материалов применялись методы: историко-генетический и историко-системный. Историко-генетический метод позволил анализировать деятельность органов городского самоуправления Канска в период от прибытия военнопленных в конце сентября 1914 г. по октябрь 1917 г., когда часть из них оказалась втянутой в разворачивавшуюся гражданскую войну, другим удавалось вернуться на родину самовольно или в ходе репатриации. На основе историко-системного метода рассматривалось влияние пленных на жизнь горожан в контексте социально-экономического развития Канска.

3. Обсуждение

В современной историографии наблюдается устойчивый интерес как к правовому положению и общим условиям содержания иностранных военнопленных на территории Российской империи в годы Первой мировой войны (Ниманов, 2009; Gatrell, 2011; Нахтигаль, 2014; Белова, 2014; Повалишникова, Захарова, 2020 и др.), так и особенностям их быта и повседневной жизни в отдельных регионах (Иконникова, 2004; Суржикова, 2005; Липина, 2011 и др.). Исследователи констатируют сложное и многоаспектное влияние военнопленных на городскую среду: они меняли численный и национальный состав населения, создавали проблему перенаселения и дефицита жилья, роста цен на продовольствие. Отношение со стороны горожан к пленным включало как сочувствие к их тяжелым жизненным обстоятельствам, так и недовольство тем, что они составляли конкуренцию в получении работы (Семенова, 2010: 110).

Широко представлены исследования, освещающие положение военнопленных в Сибири. Показано, что особенности их содержания были обусловлены суровыми природно-климатическими условиями, а режим пребывания в концентрационных лагерях был менее строгим, чем в Центральной России (Греков, 1997; Букин, Долголюк, 2000; Гордеев, 2002; Гергилева, 2007). В трудах, выполненных на материалах Западной Сибири, описано формирование негативного образа врага у членов городских самоуправлений при взаимодействии с военнопленными: они стесняли горожан, занимая жилые помещения, усугубляли проблему дороговизны жизни, повышали опасность эпидемий (Чудаков, 2012; Талапин, 2017; Голодяев, 2022 и др.). В ряде статей о пребывании военнопленных в Восточной Сибири отмечается, что значительная удаленность от линии фронта, давняя привычка сибиряков принимать ссыльных сказывалась и на их отношении к пленным. Режим содержания был «мягким и либеральным», наблюдалось его ослабление к 1917 г. (Павлова, Ивлева, 2013; Шапкин и др., 2014; Федорова, 2014; Ануфриев, Трофименко, 2017; Ануфриев, Козлов, 2019 и др.).

Тем не менее, к категории малоисследованных относится целый комплекс вопросов, связанных с пребыванием военнопленных в уездных городах различных регионов Российской империи: уровень смертности во время транспортировки к местам пребывания, медицинское обслуживание, бытовые условия содержания, отношение к местным жителям и труду, факторы протестных действий, возможности связи с родиной, волнения и побег и др.

4. Результаты

Условия размещения и содержания военнопленных

Накануне войны население Канска составляло 17,5 тыс. человек. Город располагался в центре большого сельскохозяйственного уезда, являлся скорее административным и стратегическим пунктом, нежели центром торгово-промышленного развития. Основными занятиями жителей были земледелие, скотоводство, торговля и промыслы. Крупные промышленные предприятия отсутствовали, развивалось лишь базировавшееся на продукции местного сельского хозяйства производство: несколько кожевенных, два свечных, мыловаренное, лесопильное, винное и пивоваренное заведения. Важное значение для развития города имела торговля хлебом и скотом. Размер годового бюджета составлял 300 тыс. руб. (*Памятная книжка..., 1915: 67*).

Рядом с Канском находился военный городок, где был расквартирован 32-й Сибирский стрелковый полк. С началом военных действий полк отбыл на Северо-Западный фронт в составе III Сибирского армейского корпуса. В Канске сформировали запасной 16-й Сибирский стрелковый полк, который осуществлял мобилизацию, готовил пополнения для действующей армии и направлял их на фронт в составе маршевых рот, вел приемку лошадей от населения (*Симонов, 2018*).

В начале сентября 1914 г. городская управа Канска получила распоряжение губернатора И.И. Крафта, в свою очередь выполнявшего предписание Начальника Штаба Иркутского военного округа П.И. Аверьянова выяснить, какое количество военнопленных было возможно разместить в Канске. Городское самоуправление должно было подыскать отапливаемые помещения для проживания, а также обеспечить их освещение. Для компенсации этих расходов военное ведомство выплачивало на каждого пленного «квартирный оклад» (10 руб. 50 коп. в год).

Два первых поезда с пленными (всего 1 866 человек) прибыли 29 сентября 1914 г. В январе 1915 г. в городскую управу пришел запрос полковника Новикова о том, существовала ли возможность перевести из военного городка в Канск еще 150 человек. Последовал ответ, что свободных помещений больше не было. Всего к апрелю 1915 г. прибыло 5 000 военнопленных, из них непосредственно в Канске управа смогла разместить порядка 2 000 человек. В спешном порядке возводился концентрационный лагерь, куда постепенно переводили пленных. К октябрю 1919 г. в Канском лагере военнопленных насчитывалось порядка 2 500 человек. Необходимо отметить, что численность военнопленных в городах можно установить лишь приблизительно, потому что им часто меняли места расквартирования (*ГАКК. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 2. Л. 425-462*).

Следует также учитывать, что осенью 1915 г. в города Енисейской губернии стали прибывать беженцы. И, хотя значительное число беженцев предпочитало оставаться в Красноярске и Красноярском уезде (5,4 тыс. человек), рассчитывая в скором времени вернуться на родину, часть из них проследовала и в уездные города. Канску пришлось принять порядка 4,5 тыс. человек. Беженцев вначале размещали на переселенческом пункте, а затем, как и военнопленных – в общественных зданиях, кинотеатрах, бараках, для них арендовали частные дома. В 1916 г. часть беженцев направили в сельскую местность и расквартировали в деревнях.

Владельцы частных домов, которых управа принудила предоставить помещения для пленных, ссылаясь на обязательное распоряжение губернатора, проявляли недовольство. Они направляли в городскую управу прошения на выплату компенсаций, поскольку потеряли доход от сдачи квартир. Кроме того, на них ложились определенные расходы, так как для пленных, которых селили казарменным порядком, требовалось оборудовать дополнительные клозеты, выгребные ямы и т. п., было понятно, что после их выселения придется делать ремонт. Для того, чтобы приспособить для проживания ранее нежилые помещения также требовалось вкладывать определенные средства (установить печи, нары, утеплить окна, двери и т.д.).

При расселении пленных требовалось соблюдать определенные требования военных властей. Например, офицеров следовало размещать отдельно от нижних чинов, индивидуально или небольшими группами. Именно их в первую очередь направляли в город на частные квартиры либо в небольшие казарменные помещения. Славян, которые относились к России дружелюбно, следовало обособлять от немцев и австро-венгерских подданных. По просьбе Союза Чешско-Словенских обществ им предоставлялись некоторые льготы (прогулки по воскресеньям, посещения соотечественников и др.) (*Положение о военнопленных, 1914*).

Все расходы по содержанию военнопленных производились из специального военного фонда. На покрытие издержек городской голова и командир 16-го Сибирского стрелкового полка могли брать кредиты (первый – на оплату аренды домов и помещений через Енисейское губернское управление, второй – на их отопление и освещение через Иркутское интендантское управление). Так, уже в сентябре 1914 г. городской голова Канска запросил первый кредит в размере 30 000 руб. на оплату жилья, а командир 16-го Сибирского стрелкового полка – 1 000 руб. для расчетов за дрова, которые шли на приготовление пищи (*ГАКК. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 1*).

Спорным стал вопрос о том, кто должен доставлять питьевую воду для пленных. Обычно каждая воинская часть имела собственных лошадей и бочки, доставкой воды занимались нижние чины. В Канском военном городке «водовозных средств» было недостаточно, поэтому управа вынужденно наняла 4 водовозов с оплатой в 20 руб. каждому, использовала 4 пожарных лошадей.

Одновременно городской голова обратился к губернатору за разъяснениями: если доставка воды для пленных вменялась в обязанность, городу требовалось приобрести собственные обозы, потому что частные водовозы просили дорого. Согласно распоряжению губернатора, за доставку воды и соломы (ее стелили на пол в помещениях) для военнопленных отвечало военное начальство, а не городское общественное управление (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 262. Л. 7).

Оплата продовольствия и приготовление пищи для пленных также находились в ведении военного ведомства. Нормы довольствия должны были быть едиными по всей стране, пленным полагался такой же паек, как и русским солдатам: «На питание русского солдата перед войной в день отпускалось 3 фунта (1 фунт ≈ 409,5 г) хлеба, 32 золотника (1 золотник ≈ 4,3 г) крупы и «приварочные деньги» в таком количестве, что на них можно было купить 3/4 фунта мяса. Кроме того, полагался чай – 48 золотников с 6 фунтами 24 золотниками сахара на 100 чел. в день» (Еремин, 2007: 260). Однако на практике нормы довольствия нигде не выдерживались, во-первых, варьировались в зависимости от местных условий, а во-вторых, неоднократно сокращались на протяжении войны в связи с нарастающими продовольственными проблемами в стране (для экономии мяса были введены два постных дня в неделю, с 1916 г. мясо заменялось яйцами и соленой рыбой, чай заменялся кипятком и т.д.).

Несмотря на сокращение пайкового довольствия, в целом значительных перебоев со снабжением военнопленных на протяжении изучаемого периода в Восточной Сибири не происходило, потому что закупка и доставка продовольствия осуществлялась через интендантство и в первоочередном порядке. Так, в середине июля 1916 г. смотритель Канского продовольственного магазина Бутенко писал в городскую управу с просьбой указать, на какой срок ему необходимо «растянуть» наличные продукты. Из управы пришел ответ, что точного учета запасов продовольствия для военнопленных не велось. Ощущалась нехватка лишь некоторых продуктов (сахара, сала), других (муки) было достаточно (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 262. Л. 45).

Улучшить свое питание путем покупки продуктов на городских базарах могли офицеры, которым полагалось жалование (50–100 руб. в месяц в зависимости от чина). Многие пленные получали денежные переводы из дома, кроме того, определенную помощь оказывали подразделения Красного Креста (например, Германия перечисляла средства своим подданным через нейтральную Швецию) (Шапкин и др., 2014). Так, германские и турецкие солдаты и офицеры из лагеря военнопленных в Канске ежемесячно получали пособия от Шведского Красного креста. Возглавлявший Германский офицерский комитет лагеря капитан Клейн вел переписку с делегатом Королевского Шведского консульства Лунделлем, деньги переводились через казначейство или Государственный банк, в ответ отправлялись ведомости с подписями получателей. Кроме того, купить продовольствие могли получавшие жалование пленные, обслуживавшие лагерь Канского гарнизона (писари, посыльные, сторожа, конюхи, хлебопеки и др. 40–50 человек), а также те, кто привлекался к различным работам в городе (ГАКК. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 1).

Тот факт, что военнопленные покупали продукты на городских базарах, горожане оценивали негативно, считали, что это способствовало росту цен и возникновению дефицита. Городское население Енисейской губернии в 1916 г. уже вполне явственно ощущало продовольственный кризис. Вследствие расстройств железнодорожного транспорта и сокращения подвоза продовольствия из Западной Сибири и губерний Европейской России, усиленного вывоза из региона мяса и фуража для армии, скопления в городе большого количества войск и беженцев, цены на продукты питания выросли на 100 % и более (мясо, картофель и др.), а в отношении некоторых продуктов начался дефицит (сахар).

Весной 1916 г. особенно напряженная ситуация складывалась в губернском центре – Красноярске. Красноярский городской голова даже обратился к главам Енисейска, Минусинска и Канска с просьбой помочь разгрузить город от военнопленных. Однако отовсюду получил отказы, аргументированные тем, что население, как уездных городов, так и пригородов малочисленно, свободных квартир не было, привоз продуктов на рынки незначителен, цены стояли высокие. При таких условиях размещение в дополнительных партиях военнопленных особенно в зимнее время могло создать «картину нежелательную», «тяжелый продовольственный кризис», с которым городские власти не справятся (Хроника, 1916).

По прибытии военнопленных встал вопрос о санитарно-гигиеническом содержании помещений, которые они занимали. В Канске не было водопровода и канализации, в связи с ростом числа жителей потребовалось увеличить расходы на ассенизационный обоз. В марте 1915 г. начальник гарнизона Канска полковник Новиков пожал жалобу Енисейскому губернатору о том, что, несмотря на неоднократные требования, городская управа не направляла рабочих на очистку дворов, отхожих мест и помойных ям: «Не ручаюсь за то, что ввиду уже наступившего теплого времени среди военнопленных возможно развитие эпидемических заразных болезней. Прошу Ваше Превосходительство принудить городскую управу в немедленном исполнении моих законных требований» (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 262. Л. 33). Губернатор направил соответствующее предписание городскому голове, тот ответил, что некоторая задержка в этом вопросе была связана с нехваткой рабочих рук и сильными морозами до марта месяца, обещал все исправить в кратчайшие сроки.

На деле же общее санитарное состояние города было близким к катастрофическому. Весной 1915 г. по поручению Комитета общественного здоровья врачи Рождественский и Кибардин осуществили осмотр городских площадей, дворов общественного самоуправления и усадеб жителей и пришли к заключению: «Весь он [город] в окружности обложен наземом [смесь помета домашних животных с соломой], отбросами и экскрементами; на площадях жижи навоза, во дворах навоз» (Канск, 1915: 3). Врачи вынесли ряд предписаний относительно мероприятий, которые следовало срочно предпринять: самое главное, устроить дешевую или лучше бесплатную общественную баню и такую же прачечную, так как в Канске имела лишь одна частная баня, которую посещали и горожане, и пленные, и солдаты, она «могла послужить источником распространения заразы»; организовать наблюдательный пункт; оборудовать дезинфекционную камеру; сделать запас вакцин (брюшнотифозной, дизентерийной и холерной); открыть инфекционное отделение при городской больнице; организовать дешевые чайные и столовые и установить в общественных помещениях баки с кипяченой питьевой водой.

Посовещавшись, городские гласные пришли к выводу, что в полной мере реализовать план мероприятий, намеченный Рождественским и Кибардиным, невозможно ввиду дефицита средств. Дума поручила управе отремонтировать городскую баню на берегу Кана, определив ее для отдельного пользования пленных и солдат, а также обратиться к начальнику гарнизона с просьбой предоставить пленных для работ по очистке и осушению городских улиц. На время ремонта в летний период пленным разрешалось купаться в реке. Летом 1915 г. городской голова попросил начальника канского гарнизона соблюдать некоторые правила при организации таких купаний: «Члены городской управы наблюдали, что военнопленные огромными партиями купаются и одновременно моют белье выше единственной водочерпии для всего города на реке Кан. Кроме того, часть военнопленных купается и тоже моет белье в протоке и на Кану, в районе острова. То и другое явление, во всяком случае, нежелательно, так как, помимо нарушения общественной благопристойности, это и антигигиенично, поэтому городская управа просит запретить купаться военнопленным в районе города и на острове» (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 286. Л. 5).

Медицинскую помощь военнопленные могли получить в больницах, количество которых и возможности были весьма ограниченными. Накануне войны городской голова Бобров отмечал: «Канск чрезвычайно плохо обставлен лечебными заведениями» (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 232. Л. 38об.). В исследуемый период имела больница на 40 кроватей и амбулаторная лечебница, обслуживавшие не только город, но и уезд, перегруженные горожанами и крестьянами окрестных сел. Прием вели всего 8–10 врачей (городской, переселенческий, уездный и частнопрактикующие) (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 289. Л. 2). Разумеется, в таких обстоятельствах и местные жители не могли получить качественную и своевременную медицинскую помощь. Военнопленные зачастую уже прибывали в город ослабленными или больными вследствие условий транспортировки (в вагонах для скота и грузовых, редко в пассажирских), неадаптированности к суровым природным сибирским условиям. Особенно тяжело приходилось раненым, которым требовались лечение и уход. По прибытии пленных расселяли скученно, среди них часто вспыхивали эпидемические заболевания (Шапкин и др., 2014). Согласно современным исследованиям, достоверной статистики заболеваемости и смертности среди военнопленных в Сибири не существует. Смертность, хотя и была значительной, «не носила массового характера и не являлась результатом целенаправленной политики царских властей» (Военнопленные..., 2009).

Использование труда военнопленных

Идею принудительного привлечения военнопленных к общественным работам обсуждали власти на всех уровнях уже осенью 1914 г. В дальнейшем правительство утвердило ряд положений, регламентировавших использование труда пленных: «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств» (октябрь 1914 г.); «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» (октябрь 1914 г.); «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» (февраль 1915 г.); «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» (март 1915 г.) и др. (Липина, 2011).

В апреле 1915 г. командующий войсками Иркутского военного округа был уведомлен телеграммой Главного управления Генерального штаба о состоявшемся соглашении министров внутренних дел и военного относительно привлечения военнопленных к работам по благоустройству городских поселений, приведению в порядок земских трактов и т. п. При этом должен был соблюдаться ряд условий: пленных разрешалось посылать на работы лишь в тех населенных пунктах, где они были расселены; к обязательному труду не привлекались офицеры; следовало формировать небольшие партии работников; контроль за качеством и сроками выполнения работ, а также снабжение одеждой и обувью, питание военнопленных и оказание им медицинской помощи возлагался на городские и земские общественные управления; охрана была обязанностью военного ведомства (Применение труда..., 1915; Труд военнопленных..., 1915; Ануфриев, Козлов, 2019).

На запросы губернаторов с мест относительно оплаты первоначально правительство разъясняло, что ведомства и учреждения, в распоряжение которых поступали пленные, могли

самостоятельно назначать им некоторую плату для того, чтобы поощрить к более производительному труду. Затем было установлено следующее правило – 25 % заработной платы пленного перечислялось в пользу казны, оставшуюся сумму делили еще на две части: одна шла на покрытие расходов предприятия, другая выдавалась «обнаружившим усердие в работе» военнопленным (но, не более 20 коп. за каждый рабочий день на человека). В апреле 1916 г. система 25-процентных отчислений в казну была ликвидирована. В августе 1917 г. порядок оплаты труда снова пересмотрели: в зависимости от продуктивности работ и местных расценок на них, на руки пленный мог получить 20–50 коп. за рабочий день; оставшаяся часть суммы, за вычетом всех расходов по содержанию пленного, подлежала сдаче в доход государства.

К лету 1915 г. труд военнопленных использовался во многих городах Западной и Восточной Сибири. Так, городское управление Томска привлекало пленный для ремонта улиц, подъездных путей, строительства дамбы на берегу Томи (до 1 тыс. человек). В Иркутске комиссия по благоустройству города запросила 500 военнопленных для строительства новой дороги, планировки улиц, очистки русла реки Ушаковки, еще 75 человек работали в городском театре, аптеке и кирпичных заводах. В Верхнеудинске городская дума направляла военнопленных на канавные, малярные и плотничьи работы (*Труд военнопленных...*, 1915). Вопрос оплаты вызывал недовольство как самих военнопленных, полагавших, что они получают недостаточно, так и местных жителей, которых возмущал тот факт, что многие предприятия и организации стремились заменить вольнонаемных работников на военнопленных, которым можно было платить гораздо меньше (*Общегородская хроника*, 1915).

Следуя примеру сибирских городов, в апреле 1915 г. городская дума Канска постановила провести дорожные работы силами военнопленных: «Благоустройство города настоятельно требует шоссировки хотя бы главных улиц, которые являются в то же время подъездными путями к станции Канск Сибирской железной дороги. Отсутствие шоссейки в летние месяцы, в дождливое время, обычно вызывает такое состояние улиц, что проезд по ним делается затруднительным» (*ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 232. Л. 38об.*). От енисейского губернатора поступило пояснение, что в соответствии с телеграммой Главного управления Генерального штаба, для получения разрешения на использование труда военнопленных городские власти, частные лица и организации должны были направлять ходатайства начальнику Иркутского военного округа. Управа должна была снабдить пленный теплой одеждой по сезону и обувью. Вопросы охраны во время работ и питания («довольствия») военнопленных и их конвоиров каждый раз решались по соглашению городских и военных властей. Если командир 16 Сибирского стрелкового полка не мог выделить караульных и обед, управа обязалась их охранять и накормить самостоятельно (*ГАКК. Ф.Р-1778. Оп. 1. Д. 1. Л. 83*).

О применении труда военнопленных в городском хозяйстве Канска дает представление доклад городского головы Т.Д. Леонова в Енисейское губернское управление от 4 января 1916 г. После получения разрешения начальника Иркутского военного округа городская управа Канска могла ежедневно брать на различные работы до 150 человек. Ежедневно вечером направлялся запрос командиру 16 Сибирского стрелкового запасного батальона Новикову не более, чем 20–50 человек (слесарей, столяров, кузнецов, штукатуров, рубщиков дров и т.д.). Для привлечения к труду большего числа военнопленных требовалось затратить больше средств (на питание, одежду, охрану, транспортировку к местам работы и т.д.), чего не позволял ограниченный бюджет города. Охраняли отряды рабочих нижние чины, командированные из военной части. Оплата труда была как поденной (в зависимости от квалификации: чернорабочему платили 50 коп., штукатуру – по 1 руб.), так и сдельной (например, пильщикам дров – по 3 руб. 30 коп. за кубическую сажень дров), но лишь в размере 50 % местных справочных цен. Сумма делилась на три части: из которых 2/3 сдавались военному начальству и 1/3 выдавалась пленному.

По мнению Т.Д. Леонова, производительность труда пленный не достигала и половины производительности местных рабочих. Одна из причин этого заключалась в том, что требовались люди, хотя бы в небольшой степени знакомые со спецификой предстоявшей деятельности, военное же начальство, не имевшее сведений о гражданских специальностях пленный, отправляло тех, кто вызвался добровольно: «Если, например, управа просила прислать землекопов, то в числе землекопов наполовину оказывались лица, отроду не державшие в руках лопаты. Если управа просила штукатуров, то в числе штукатуров больше половины оказывались лица, не имеющие понятия о штукатурных работах и т.д.» (*ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 286. Л. 33*). Получалось, что качество работ было низким, а стоимость обходилась дороже, чем, если бы нанимались вольнонаемные работники из местных. Сказывался также языковой барьер: приходилось жестики и мимикой объяснять пленным, что именно требовалось сделать, или брать переводчика, который при каждой партии только числился, но не работал.

С течением времени в стране обострялась проблема нехватки рабочих рук. Весной 1915 г. пленный начали отправлять на сельскохозяйственные работы. До 50 % от заработка шло на покрытие издержек по их содержанию и охране (охранять должна была полиция). Продолжительность рабочего дня и питание устанавливались такими же, как и у русских рабочих. В случае нерадивости, непослушания, грубости полиция подвергала пленного аресту до 7 суток и содержала при ближайшем

волостном правлении или становой казарме. Если хозяин вовсе отказывался от работы пленного, его возвращали в распоряжение ближайшего воинского начальства, которое определяло меру взыскания (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 286. Л. 36). Поскольку в Енисейской губернии за годы войны была мобилизована значительная доля трудоспособных мужчин (38,8 %), жены солдат обращались в местные продовольственные комитеты с просьбами направить военнопленных на полевые работы. Однако вследствие того, что в Канском уезде существовал серьезный кадровый дефицит полиции, и было невозможно должным образом обеспечить их охрану, такие ходатайства удовлетворялись редко. Содержание пленных и размеры оплаты труда существенно различались, потому что зависели от местных условий (*Об отпуске на работы..., 1916*).

В первые месяцы после Февральской революции 1917 г. положение военнопленных изменилось. Начальники тыловых гарнизонов уведомляли городские управы о том, что в связи с процессом расформирования полиции списки военнопленных, отпущенных на работы в города и их окрестности, предавались начальникам городской милиции. Однако фактически милиция еще не была укомплектована штатами, поэтому контроль над жизнью пленных, переданных в ведение органов местного самоуправления, был крайне слаб. Они ходили по городу без сопровождения, самостоятельно посещали базары и общественные места, выросло число преступлений с их участием. После растерянности первых недель Временное правительство стало настаивать на выполнении всех распоряжений царского правительства, регулировавших содержание пленных.

В апреле 1917 г. городской голова Канска получил ряд предписаний В.М. Крутовского относительно военнопленных. Военнопленных, проживавших на или работавших на территории города, должны были охранять сотрудники милиции. Предприятия, которые использовали труд военнопленных, содержали охрану за собственный счет. Пленным запрещалось общаться с населением, посещать кинематографы, базары и другие публичные места, они должны были носить форму или нашивать отличительные знаки на гражданскую одежду (предлагалось нашивать кусок белого полотна на левый рукав с написанными черной краской буквами «В.П.» – военнопленный). В случае получения с мест донесений о строптивости, оставлении работ или бегстве пленного начальнику гарнизона следовало командировать воинский отряд для ареста зачинщиков и подстрекателей (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 286. Л. 48-49).

Точных статистических данных о том, где именно и сколько пленными работало в Канске в военный период, не существует. Фиксировалось только общее количество пленными штабами соответствующих военных округов, но как именно они были распределены в той или иной губернии по городам, уездам и предприятиям – системная отчетность не велась и вышестоящим инстанциям не предоставлялась. Лишь в конце августа 1917 г. в городскую думу поступило распоряжение губернского комиссара о необходимости введения карточной системы регистрации военнопленных: «Прошу по возможности в непродолжительное время сообщить мне сведения о том, какие именно предприятия, подведомственные вам, пользуются трудом военнопленных, и какое число последних состоит на работах в этих предприятиях» (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 262. Л. 55).

5. Заключение

Таким образом, в годы Первой мировой войны города в Восточной Сибири, являвшиеся центрами обширных и малоосвоенных сельскохозяйственных уездов, не имевшие развитой промышленности, со слабой инфраструктурой и городским хозяйством, были поставлены перед необходимостью решать вопросы размещения, обустройства быта и привлечения к труду военнопленных. Несмотря на то, что расходы по содержанию пленными ложились на военное ведомство, объем государственного финансирования был зафиксирован законодательно, поэтому все сопутствующие издержки ложились на города. Дополнительная нагрузка на бюджет и инфраструктуру означала для местных жителей ухудшение санитарных условий проживания, делала еще менее доступной медицинскую помощь, вызывала рост цен на предметы первой необходимости и в первую очередь продовольствие. Местные власти надеялись, что труд военнопленных хоть бы в какой-то степени компенсирует дефицит рабочих рук, позволит решить наиболее острые городские проблемы, но были разочарованы его низкой производительностью и эффективностью.

Литература

Ануфриев, Козлов, 2019 – Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2019. Т. 15 (4). С. 153-167.

Ануфриев, Трофименко, 2017 – Ануфриев А.В., Трофименко С.В. «Горький хлеб плена» (режим содержания военнопленных в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны) / *Сибирская ссылка: сборник научных статей*. Т. 8 (20). Иркутск: Оттиск, 2017. С. 420-436.

Белова, 2014 – Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО–XXI, 2014. 432 с.

Букин, Долголюк, 2000 – Букин С.С., Долголюк А.А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2000. № 2. С. 49-54.

- Военнопленные..., 2009** – Военнопленные в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/voennoplennye_v_sibiri_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края
- Гергилева, 2007** – *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск: Сибирский государственный технологический университет, 2007. 123 с.
- Голодяев, 2022** – *Голодяев К.А.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Ново-Николаевска // *Сибирский архив*. 2022. № 1 (11). С. 11–68.
- Гордеев, 2002** – *Гордеев О.Ф.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.). Историко-правовые аспекты проблемы / *Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник научных статей*. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2002. С. 30–62.
- Греков, 1997** – *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) / Немцы. Россия. Сибирь. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 1997. С. 154–180.
- Еремин, 2007** – *Еремин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета*. 2007. Т. 310. № 1. С. 259–263.
- Иконникова, 2004** – *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университет, 2004. 177 с.
- Канск, 1915** – Канск. Санитарные мероприятия // *Сибирская жизнь*. 1915. № 93. С. 3.
- Липина, 2011** – *Липина С.А.* Использование труда военнопленных как попытка частичного возмещения трудовых ресурсов в дореволюционный период Первой мировой войны (по материалам Вятской губернии) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 7 (13). С. 65–70.
- Нахтигаль, 2014** – *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156.
- Ниманов, 2009** – *Ниманов И.Б.* Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2009. № 2. С. 53–61.
- Об отпуске на работы..., 1916** – Об отпуске на работы военнопленных // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 9–10. С. 65.
- Общегородская хроника, 1915** – *Общегородская хроника* // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 10. С. 29.
- Павлова, Ивлева, 2013** – *Павлова И.П., Ивлева Т.В.* «Это люди, как и мы»: немцы и местное население в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны – взаимное восприятие // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12 (38). С. 141–144.
- Памятная книжка..., 1915** – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1915*. Красноярск: Енисейский губернский статистический комитет, 1915. 189 с.
- Повалишников, Захарова, 2020** – *Повалишников С.Р., Захарова О.В.* Быт немецких военнопленных на территории Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам источников личного происхождения) // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2020. № 3 (68). С. 67–75.
- Положение о военнопленных, 1914** – *Положение о военнопленных*. СПб.: [б.и.], 1914. 9 с.
- Применение труда..., 1915** – *Применение труда военнопленных* // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 6. С. 46.
- Семенова, 2010** – *Семенова Е.Ю.* Военнопленные как фактор формирования городской среды Поволжья в годы Первой мировой войны // *Альманах современной науки и образования*. 2010. № 1 (32). С. 107–110.
- Симонов, 2018** – *Симонов Д.Г.* Сибирские формирования в период Первой мировой войны: краткий исторический обзор // *Забытая Великая война: [новониколаевцы в годы Первой мировой войны]*: Новосибирск: МКУК ЦБС Ленинского района, 2018. С. 8–19.
- Суржикова, 2005** – *Суржикова Н.В.* Военнопленные Первой мировой войны в Екатеринбурге и на Урале в 1914–1916 гг. (по материалам газеты «Уральская жизнь») / *Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VII Всероссийской научной конференции*. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2005. Т. 1. С. 252–263.
- Талапин, 2017** – *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны в городе Томске глазами гласных городской думы (1914–1917 гг.) / *Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России*. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2017. С. 203–209.
- Труд военнопленных..., 1915** – *Труд военнопленных* // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 8. С. 41.

Федорова, 2014 – Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // *Известия Алтайского государственного университета*. 2014. № 4–2 (84). С. 232–236.

Хроника, 1916 – Хроника // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 14–15. С. 60.

Чудаков, 2012 – Чудаков О.В. Размещение военнопленных органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 – первая половина 1918 гг.) // *Омский научный вестник*. 2012. № 5. С. 40–43.

Шапкин и др., 2014 – Шапкин Ю.Г., Дмитриченко А.А., Пономарева Г.О. Жизнь и быт военнопленных в лагерях Восточной Сибири в годы Первой мировой войны // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2014. № 2 (11). С. 50–53.

Gatrell, 2011 – Gatrell P. POWs, refugees and the movement of people in Russia in the wake of the First World War. 2011. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/8829412/POWs_Refugees_and_the_Movement_of_People_in_Russia_in_the_Wake_of_the_First_World_War

References

Anufriev, Kozlov, 2019 – Anufriev, A.V., Kozlov, D.V. (2019). “Zhal' etikh slavnykh parnei...” (k voprosu o prebyvanii avstro-vengerskikh voennoplennykh v Irkutske) [“It’s a pity for these nice guys...” (to the problem of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 15 (4): 153–167. [in Russian]

Anufriev, Trofimenko, 2017 – Anufriev, A.V., Trofimenko, S.V. (2017). “Gor'kii khleb plena” (rezhim sodержaniya voennoplennykh v Vostochnoi Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny) [“The bitter bread of captivity” (the regime of holding prisoners of war in Eastern Siberia during the First World War)]. *Sibirskaya ssylka: sbornik nauchnykh statei*, vol. 8 (20). Irkutsk: Ottisk. Pp. 420–436. [in Russian]

Belova, 2014 – Belova, I.B. (2014). Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914–1925 gg. [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925]. M.: AIRO–XXI, 432 p. [in Russian]

Bukin, Dolgolyuk, 2000 – Bukin, S.S., Dolgolyuk, A.A. (2000). Formirovanie lagerei voennoplennykh i internirovannykh v Sibiri [Formation of prisoner of war and internment camps in Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2: 49–54. [in Russian]

Voennoplennyye..., 2009 – Voennoplennyye v Sibiri. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. 2009. [Electronic resource]. URL: http://irkipedia.ru/content/voennoplennyye_v_sibiri_istoricheskaya_entsiklopediya_sibiri_2009 [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archive of Krasnoyarsk krai].

Gergileva, 2007 – Gergileva, A.I. (2007). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny na territorii Sibiri [Prisoners of war of the First World War in Siberia]. Krasnoyarsk: Sibirskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet, 123 p. [in Russian]

Golodyaev, 2022 – Golodyaev, K.A. (2022). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny na territorii Novo-Nikolaevska [Prisoners of war of the First World War in Novo-Nikolaevsk]. *Sibirskii arkhiv*. 1 (11): 11–68. [in Russian]

Gordeev, 2002 – Gordeev, O.F. (2002). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Sibiri (avgust 1914 – fevral' 1917 gg.). Istoriko-pravovye aspekty problemy [Prisoners of war of the First World War in Siberia (August 1914 – February 1917)]. *Historical and legal aspects of the problem*. Aktual'nye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh statei. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet, pp. 30–62. [in Russian]

Grekov, 1997 – Grekov, N.V. (1997). Germanskie i avstriiskie plennyye v Sibiri (1914–1917 gg.) [German and Austrian prisoners in Siberia (1914–1917)]. Nemtsy. Rossiya. Sibir'. Omsk: Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei, pp. 154–180. [in Russian]

Eremin, 2007 – Eremin, I.A. (2007). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Zapadnoi Sibiri [Prisoners of war of the First World War in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 310 (1): 259–263. [in Russian]

Ikonnikova, 2004 – Ikonnikova, T.Ya. (2004). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918 gg.) [Prisoners of war of the First World War in the Russian Far East (1914–1918)]. Khabarovsk: Khabarovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 177 p. [in Russian]

Kansk, 1915 – Kansk. Sanitarnyye meropriyatiya [Kansk. Sanitary measures] (1915). *Sibirskaya zhizn'*. 93: 3. [in Russian]

Lipina, 2011 – Lipina, S.A. (2011). Ispol'zovanie truda voennoplennykh kak popytka chastichnogo vozmeshcheniya trudovykh resursov v dorevol'yutsionnyi period Pervoi mirovoi voiny (po materialam Vyatskoi gubernii) [The use of the labor of prisoners of war as an attempt to partially compensate labor resources in the pre-revolutionary period of the First World War (based on materials from the Vyatka province)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (13): 65–70. [in Russian]

- [Nachtigal, 2014](#) – *Nachtigal, R.* (2014). Voennoplennye v Rossii v epokhu Pervoi mirovoi voiny [Prisoners of war in Russia during the First World War]. *Quaestio Rossica*. 1: 142-156. [in Russian]
- [Nimanov, 2009](#) – *Nimanov, I.B.* (2009). Soderzhanie inostrannykh voennoplennykh na territorii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Maintenance of foreign prisoners of war on the territory of Russia during the First World War]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya «Istoriya Rossii»*. 2: 53-61. [in Russian]
- [Ob otpuske na raboty..., 1916](#) – Ob otpuske na raboty voennoplennykh [About leave to work for prisoners of war]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. 9–10: 65. [in Russian]
- [Obshchegorodskaya khronika, 1915](#) – Obshchegorodskaya khronika [City-wide chronicle]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. 10: 29. [in Russian]
- [Pavlova, Ivleva, 2013](#) – *Pavlova, I.P., Ivleva, T.V.* (2013). “Eto lyudi, kak i my”: nemtsy i mestnoe naselenie v Eniseiskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny – vzaimnoe vospriyatie [“These are people, like us”: the Germans and the local population in the Yenisei province during the First World War - mutual perception]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (38): 141-144. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1915](#) – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1915 [Memorable book of the Yenisei province for 1915]. Krasnoyarsk: Eniseiskii gubernskii statisticheskii komitet, 189 p. [in Russian]
- [Povalishnikova, Zakharova, 2020](#) – *Povalishnikova, S.R., Zakharova, O.V.* (2020). Byt nemetskikh voennoplennykh na territorii Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny (po materialam istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya) [Life of German prisoners of war on the territory of the Russian Empire during the First World War (based on personal sources)]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 3(68): 67-75. [in Russian]
- [Polozhenie o voennoplennykh, 1914](#) – Polozhenie o voennoplennykh [Regulations on prisoners of war]. (1914). SPb., 9 p. [in Russian]
- [Primenenie truda..., 1915](#) – Primenenie truda voennoplennykh [Application of labor of prisoners of war]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. 6: 46. [in Russian]
- [Semenova, 2010](#) – *Semenova, E.Yu.* (2010). Voennoplennye kak faktor formirovaniya gorodskoi sredy Povolzh'ya v gody Pervoi mirovoi voiny [Prisoners of war as a factor in the formation of the urban environment of the Volga region during the First World War]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 1(32): 107-110. [in Russian]
- [Simonov, 2018](#) – *Simonov, D.G.* (2018). Sibirskie formirovaniya v period Pervoi mirovoi voiny: kratkii istoricheskii obzor [Siberian formations during the First World War: a brief historical overview]. *Zabytaya Velikaya voina: [novonikolaevtsy v gody Pervoi mirovoi voiny]*. Novosibirsk: MKUK TsBS Leninskogo raiona, Pp. 8-19. [in Russian]
- [Surzhikova, 2005](#) – *Surzhikova, N.V.* (2005). Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Ekaterinburge i na Urale v 1914–1916 gg. (po materialam gazety “Ural'skaya zhizn”) [Prisoners of war of the First World War in Yekaterinburg and the Urals in 1914–1916. (based on materials from the newspaper “Ural Life”)]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya: materialy VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI. 1: 252-263. [in Russian]
- [Talapin, 2017](#) – *Talapin, A.N.* (2017). Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v gorode Tomske glazami glasnykh gorodskoi dumy (1914–1917 gg.) [Prisoners of the First World War in the city of Tomsk through the eyes of the city council members (1914–1917)]. *Chetvertye Yadrinsevskie chteniya: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Revolyutsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei. Pp. 203-209. [in Russian]
- [Trud voennoplennykh..., 1915](#) – Trud voennoplennykh [The labor of prisoners of war]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 8: 41. [in Russian]
- [Fedorova, 2014](#) – *Fedorova, T.V.* (2014). Problema sotsial'no-bytovykh uslovii soderzhaniya avstro-vengerskikh voennoplennykh na territorii Vostochnoi Sibiri vo vremya Pervoi mirovoi voiny [The problem of social and living conditions of keeping Austro-Hungarian prisoners of war on the territory of Eastern Siberia during the First World War]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–2(84): 232-236. [in Russian]
- [Khronika, 1916](#) – Khronika [Chronicle]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. 14–15: 60. [in Russian]
- [Chudakov, 2012](#) – *Chudakov, O.V.* (2012). Razmeshchenie voennoplennykh organami gorodskogo samoupravleniya v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny i period sotsial'nykh kataklizmov (1914 – pervaya polovina 1918 gg.) [Placement of prisoners of war by city governments in Siberia during the First World War and the period of social cataclysms (1914 – first half of 1918)]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 5: 40-43. [in Russian]
- [Shapkin i dr., 2014](#) – *Shapkin, Yu.G., Dmitrichenko, A.A., Ponomareva, G.O.* (2014). Zhizn' i byt voennoplennykh v lageryakh Vostochnoi Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny [Life and everyday life of prisoners of war in camps of Eastern Siberia during the First World War].

prisoners of war in the camps of Eastern Siberia during the First World War]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2(11): 50-53. [in Russian]

Gatrell, 2011 – Gatrell, P. (2011). POWs, refugees and the movement of people in Russia in the wake of the First World War. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/8829412/POWs_Refugees_and_the_Movement_of_People_in_Russia_in_the_Wake_of_the_First_World_War

Военнопленные Первой мировой войны в городах Восточной Сибири (на материалах Канска Енисейской губернии)

Олеся Михайловна Долидович ^{а, *}, Иван Юрьевич Макаrchук ^а, Олег Геннадьевич Алексеев ^а,
Михаил Александрович Петров ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Исследуется деятельность органов городского самоуправления по размещению, содержанию и использованию труда военнопленных в годы Первой мировой войны (на материалах города Канска Енисейской губернии). Проанализирован процесс взаимодействия городской управы с военной и гражданской администрацией, местным населением в решении различных проблем материально-бытового обеспечения пленных, условия и эффективность их работы. Показано, что прибытие пленных поставило власти и местное население в тяжелую ситуацию ввиду крайне отсталого состояния городского хозяйства и инфраструктуры (дефицита свободного жилья, отсутствия водоснабжения и канализации, бань и прачечных и др.). Труд военнопленных применялся в основном в таких сферах, как благоустройство и дорожное строительство, однако в ограниченных масштабах вследствие дефицита городских финансов (пленным нужно было доставлять к месту работы, кормить и обеспечить одеждой и обувью по сезону, орудиями труда, охранять, непригодных для работ вернуть и т. п.). В целом труд был малопродуктивным, и не способствовал решению каких-либо важных хозяйственных или оборонных задач из-за отсутствия крупного промышленного производства в городе.

Ключевые слова: военнопленные, Восточная Сибирь, городское управление, Енисейская губерния, Иркутский военный округ, Канск, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dolidovich@mail.ru (О.М. Долидович),
imakarchuk@sfu-kras.ru (И.Ю. Макаrchук), fukidid2007@yandex.ru (О.Г. Алексеев),
mipet@yandex.ru (М.А. Петров)